
УДК 811.161.1
DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-20-27

Особенности мотивирующих признаков диалектных названий разновидностей снега в якутском языке

Е. Р. Николаев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

В якутском языке представлено более 70 наименований снега, в том числе около 30 диалектных обозначений. В основе мотивирующих признаков диалектных названий лежат физические свойства снега, которые зависят от окружающей среды (продолжительная зима, время года), сравнение с внешними признаками животных (зайца, бурундука, вороны, пуночки), а также функциональный признак – по связи с народными приметами и с традиционным промыслом (охотой). Формальным способом выражения мотивирующего признака является сочетание компонентов и оформление одного из них аффиксом принадлежности. Основным типом мотивации диалектных названий снега является семантический, обусловленный значением производящего слова.

Ключевые слова

якутский язык, диалектная лексика, мотивирующий признак, семантика, говор, названия снега

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 гг.».

Для цитирования

Николаев Е. Р. Особенности мотивирующих признаков диалектных названий разновидностей снега в якутском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53). С. 20–27. DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-20-27

Peculiarities of motivating features of dialect names of snow varieties in Yakut language

E. R. Nikolaev

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

Snow names in the Yakut language have not yet been the subject of a special study. Some articles classify all-Yakut names of snow according to their physical properties. This article describes the semantics and motivating features of snow names in Yakut language based on the analysis of lexicographic, literary, and artistic sources. The semantics of the names was clarified using field data collected by the author during 2022–2024 dialectological expeditions in Yakutia. The study employed descriptive, deductive-inductive, lexico-semantic, and motivational analytical methods. The analysis has demonstrated that the nomenclature of snow types is driven by their physical attributes, influenced by environmental factors (extended winters,

© Е. Р. Николаев, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53)

seasonal variations), zoological parallels (hare, chipmunk, crow, puffin), and functional associations with folklore and traditional practices (hunting). In addition, it has been revealed that the formal way of expressing the motivating feature is the combination of components and formalization of one of them with the affix of affiliation. The primary motivation behind dialectal snow terms is semantic, stemming from the meaning of the derivation word. Snow terminology is represented across all four Yakut dialectal zones: Central, Olekmo-Vilyuysk, Northeastern, and Northwestern. The diversity of snow names in the Yakut language is attributed to the development of vast territories, as well as with the arrangement of everyday life and the development of traditional occupations (hunting).

Keywords

Yakut language, dialect vocabulary, motivating feature, semantics, dialect, names of snow

Acknowledgements

The research was conducted within the framework of the state program “Preservation and Development of State and Official Languages in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2020–2024”.

For citation

Nikolaev E. R. Osobennosti motiviruyushchikh priznakov dialektnykh nazvaniy raznovidnostey snega v yakutskom yazyke [Peculiarities of motivating features of dialect names of snow varieties in Yakut language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 20–27. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-20-27

Введение

Актуальность лингвистического описания лексики, обозначающей разновидности снега в якутском языке и его говорах, связана с изучением языковой картины мира якутов (саха), поскольку в данной лексико-тематической группе наиболее ярко запечатлены обусловленность традиционных занятий якутов (например, охоты), их мировидения и ценностей окружающей средой, природными явлениями. Систематизация этих лексем позволит прояснить их значения и в будущем отразить их в тематических словарях.

Названия снега в якутском языке рассмотрены в лексико-семантическом ключе в ряде статей [Дьячковский, Попов 2015; Кузьмина 2022; Норманская 2007]. Наименования разновидностей снега (мокрый снег, снег с дождем, наст, сугроб и т. д.) представлены в работе [Левитская 2001: 13–49]. Дialeктные названия снега в качестве народной терминологии были проанализированы в работе [Иванов 2016]. Несмотря на имеющиеся исследования, остается неизученным, на наш взгляд, такой аспект, как мотивирующие признаки названий снега, т. е. описание значений сложных названий, которые обозначают различные агрегатные состояния снега.

Цель статьи – проанализировать семантические особенности диалектных названий снега в якутском языке и выявить их значения в контексте мотивирующих признаков.

Источниками для сбора материала послужили словари якутского языка: диалектологические [ДСЯЯ 1976; ДСЯС 1995], толковый [БТСЯЯ]. Использованы неопубликованные полевые материалы автора, собранные во время диалектологических экспедиций в 2022–2024 гг. [ПМА], а также литературно-художественные, публицистические, фольклорные тексты.

По различным источникам выявлены диалектные единицы, обозначающие разновидности снега. В целях системного описания лексики в работе использовались разнообразные лингвистические методы: описательный, дедукционно-индуктивный, методы лексико-семантического и мотивационного анализа.

Слово *хаар* в значении ‘снег’ распространено во всех в тюркских языках [Мусаев 2008: 53], оно несет основное номинативное значение в сложных (составных) названиях разновидностей снега. В общеякутском и диалектном пластах лексики мы выявили более 70 названий снега, среди которых присутствует 29 диалектных лексем. В их составе имеются компоненты, указывающие на зооморфный характер номинации – названия животных, птиц и насекомых: *заяц, песец, бурундук, пуночка, ворона, лебедь, стерх, куропатка, бабочка*. В качестве определяющего компонента выступают зоонимы, которые раскрывают те или иные свойства, агрегатные состояния снега. В данной статье рассматриваются диалектные названия снега с компонентами «заяц», «бурундук», «пуночка», «ворона»:

куобах баһаҕа ‘заячья голова’ (букв.: заяц голова=POSS.3SG);

муруку дыбдыата ‘снег, по которому может ступать бурундук’ (букв.: бурундук наст=POSS.3SG);

тураах хаара ‘вороний снег’ (букв.: ворона снег=POSS.3SG);
тулук хаара ‘пуночкин снег’ (букв.: пуночка снег=POSS.3SG).

Рассматриваемые наименования представляют собой изафетное сочетание двух имен существительных, второе из которых оформляется аффиксом принадлежности 3-го лица. Это универсальная модель словосочетаний, при помощи которой образуются народные термины – сложные и составные наименования, например: *биэ эмиийэ* ‘малина’ (букв.: вымя кобылицы; кобылица вымя=POSS.3SG), *сылгы чыычааба* ‘трясогузка’ (букв.: конская птичка; конь птичка=POSS.3SG), *ыам ыйа* ‘май’ (букв.: месяц удоев; удои месяц=POSS.3SG), *мас көтөрө* ‘птица, которая живет в лесу’ (букв.: лесная дичь; дерево птица=POSS.3SG) и т. д.

В зооморфных названиях снега отражаются народные приметы, которые появились как опыт наблюдения за погодой, в том числе за снегом и снегопадом, например: «У якутов ... существует убеждение, что имеется какая-то связь между метеорологическими явлениями и жизнью животных. ... Весною, когда снегири прилетают рано и долго выются возле дворов – снег будет лежать долго. ... Осенью гуси летят низко – скоро снег, ... много боровой дичи – зимою глубокий снег» [Макаров 1983: 62].

Сочетания с компонентом *куобах* ‘заяц’

Снежный покров из свежевывающего снега представляет собой рыхлую толщу, похожую на пух. В якутском языке обозначение падающих хлопьев пушистого и мягкого снега сравнивается с белым пухом или мехом, например, с белым мехом зайца: кол. *куобах баһаба* ‘мягкий пушистый снег’ [ДСЯС 1995: 92]. Словник отсылает к другому диалектному названию снега – кол. *көбүөрүннүк хаар* ‘мягкий, пушистый как пепел снег, легший на землю’ [ДСЯС 1995: 87]. Слово *баһах* образовано от *бас* ‘голова (человека или животного)’ при помощи имяобразующего непродуктивного аффикса *-(a)х*. Подобное словообразование достаточно широко распространено в якутском языке и обозначает конкретный предмет (орудие) или результат действия, образующий слова: *сурах* ‘молва, слух’ (от *сураа-* ‘выспрашивать, выведывать’), *харах* ‘глаз, глаза’ (ср. тюрк. *хара* ‘смотреть’), *тирэх* ‘опора, подпорка’ (от *тирээ-* ‘подпирать, упирать’) и т. д.

Лексема *баһах* обозначает утолщение на конце чего-либо, например, в говорах якутского языка часто используется для обозначения стрекозы: ср.-кол. *онобос баһах* (букв.: голова стрелы), верх., сунт. *тонобос баһаба* (букв.: голова позвонка (позвоночного столба); голова позвонок=POSS.3SG), горн. *тонобос бас* (букв.: голова позвонок), верх., нюрб., сунт. *тонобос баһа* (букв.: голова позвонка; голова позвонок=POSS.3SG). В данном случае лексема *баһах* указывает на утолщенную часть тела стрекозы, а также может обозначать начало или конец чего-либо, например: *ытык баһаба* (букв.: голова мутовки; мутовка голова=POSS.3SG), *ытарба баһаба* (букв.: голова серьги; серьга голова=POSS.3SG). В приведенных примерах *баһах* обозначает полую часть на конце предметов утвари, украшений. В названии *куобах баһаба*, по всей видимости, репрезентируется форма и размер пушистого заячьего хвоста. В данное семантическое поле включаются и другие синонимичные названия «заячьего снега»: в.-кол. *куобах кутуруга* ‘пушистый снег’ (букв.: заячий хвост; заяц хвост=POSS.3SG), бод., лен., сунт. *куобах түүтэ хаар* ‘мягкий пушистый снег’ (букв.: снег, похожий на заячий снег) [ДСЯЯ 1976: 124, 21, 92].

Синонимичным по отношению к *куобах баһаба* является название *күскэс хаар*. В мегино-кангаласском говоре лексема *күскэс* означает ‘зимний снег, остающийся на зиму’ [ДСЯЯ 1976: 133]. В вилюйском говоре данная лексема употребляется в народном термине *күскэс куобах* ‘осенний заяц с пушистым мехом’; горн. *күскэс: күккэс куобах* ‘заяц осенью при смене летней окраски на зимнюю’ [ДСЯС 1995: 133, 100]. Семантика названия мотивирована обозначением качественных признаков животного – его меха: в.-кол., вил., м.-канг., ср.-кол., сакк. ‘пушистый, пышный’. Лексема *күскэс* образована от глагола *күскэй* ‘вздуться (о жирном человеке, о зерне); вспухать, толстеть’ при помощи имяобразующих аффиксов *-м, -л* и обозначает как качественные, так и количественные свойства чего-либо, например, ‘крупный’, ‘большой (объемный)’, ‘зрелый’: *куобах бэргэһэтин, күскэс сабыннабын кэтэн, таһырдыа табыста* ‘надев заячью шапку, пушистую доху, вышел на улицу’; *күскэс: үстээх эһэ* ‘трехгодовалый медведь’; личные имена: *Күскэс Ылдьаа* (букв.: Пухлый / Крупный / Рослый (?) Илья); *Күскэс*

Кэтириис (букв.: Пухлая / Крупная / Рослая (?) Екатерина); *Тыһаҕас Күскэс* ‘мать братьев боотуров Иргиэлэ и Ингэрчэ’, где *тыһаҕас* ‘годовалая двухтравная телка’.

Итак, в семантике основы *куобах баһаҕа* заключены два признака снега – пушистый и крупный, мотивированность которых выражена при помощи ассоциативного сравнения хлопьев снега с заячьим хвостом.

Сочетания с компонентом *муруку* ‘бурундук’

Муруку – диалектное название бурундука, распространенное в вилюйском, верхневилуйском, нюрбинском, олекминском, сунтарском, горном и усть-алданском говорах, заимствованное из эвенкийского языка: *мэривки, мэрикэй* ‘бурундук’ [Мыреева 2004: 388]. Диалектных названий бурундука в якутском языке много, но составного слова (выражения), связанного со снегом, среди них нет, за исключением лен. *муруку дыгдыата (дыбдыата)*, сунт. *муруку тахсар дыбдыата* ‘тонкий наст, который может выдержать только бурундука’ [ДСЯС 1995: 129].

Выражение *муруку дыбдыата* указывает на признаки «движение (шаг, ходьба)» и «твердая разновидность снега»: сад. *дыгдыа тоҕот*, инд. *дыгдыйа* ‘тонкий наст’, бод. *хачырыа* ‘легкие весенние заморозки’ [ДСЯС 1995: 66, 222], жиг. *дырдыйа* ‘время осеннего ледостава, когда лед еще не совсем окреп для ходьбы по нему’ [ДСЯЯ 1976: 91]; аб., вил. *дыра* ‘осенняя пора, когда лед в водоемах еще тонок’; *дыра саҕана* ‘осенью, когда лед еще тонок’ [ДСЯЯ 1976: 91]. В Большом толковом словаре якутского языка даются следующие примеры: *дыгый* ‘легко и быстро переступать ногами’ (образный глагол); *дыгыйыктан* ‘торопливо ходить взад-вперед, ступая легко и бесшумно’; *дыгыскаха баҕа* ‘лягушка’; *дыгыыска* ‘двухколесная легкая тележка’; *сыбдый* ‘легко, бесшумно ступать; идти крадучись’ (образный глагол) [БТСЯЯ]. Известно, что вся «Западная Якутия (вилуийская и северо-западная зоны) была ареалом эвенкийского языка» [Мыреева 2004: 28]. Возможно, поэтому лексическая параллель *дыгдыа, дыбдыа* и образные глаголы *дыбдый* ‘ходить, бегать легко и быстро, часто перебирая ногами’ [БТСЯЯ] обнаруживаются в эвенкийском языке: *дыбдыр* ‘легко, на кончиках пальцев ног (ходить, бегать)’ [Мыреева 2004: 177].

По мнению С. А. Иванова, «*дыгдыа ~ дырдыа, дыгдыйа ~ дырдыйа* являются лексемами звукоподражательного, изобразительного происхождения» [Иванов 2016: 82]. Действительно, основа (как мотивирующая часть слова) *дыгд-* обозначает фигуру человека, его размеры (крупный, рослый, как будто вспученный): *дыгдай* ‘вздуться, набухать, вспучиваться; опухать’, в образном значении ‘сильно раздуться, раздаться вширь, чрезмерно увеличиваясь в объеме, теряя прежний вид, форму (обычно о внешнем облике кого-чего-л.)’ [БТСЯЯ]. Л. А. Афанасьев определял фоносемантическое значение основы образного глагола *дыбдый* как ‘быть крупным, длинноногим; ходить быстро, перебирая ногами’ [Афанасьев 1993: 52].

Возможно, в периферийных (западных) садынском, ленском и сунтарском говорах общее обозначение снега как наста обусловлено взаимовлиянием якутского и тунгусо-маньчжурского языков и культур как результат освоения северного ландшафта и традиционного занятия (охотничий промысел), в том числе и на фоне верований древних таежно-тундровых охотников Восточной Сибири [Алексеев 2008: 55, 59]. «Охотничьи» обозначения снега фиксируют прежде всего его структурные характеристики, так как для некоторых специфических видов охоты, например для преследования лося (*сонор*), важна твердость снега, т. е. разновидность снега в виде наста, который может выдержать охотника на лыжах: бод. *хойуо* ‘наст’ [ДСЯС 1995: 175]; аб., ср.-кол., в.-кол. *суо* ‘наст; преследование сохатого по насту’ [ДСЯЯ 1976: 214]; инд. *сайыа* ‘преследование, погоня’ [ДСЯС 1995: 155]; лен., в.-кол. *хуо* ‘наст’ [ДСЯЯ 1976: 228].

Итак, в семантике основы *дыгдыа / дыбдыа* заключены два значения: фигура (человека) и способ ходьбы, шага. В значении *дыбдый* → *муруку дыбдыата* проявляются следующие мотивирующие признаки: 1) способ ходьбы, шага; 2) физическое состояние снега – твердый, но тонкий наст.

Сочетания с компонентом *туллуку* ‘пуночка’

Как и белый пушистый мех зайца, белый пух пуночки тоже часто используется в качестве обозначения белого и пушистого снега: *туллуку хаара* ‘мелкий весенний снег, выпадающий в период прилета пуночек’ [БТСЯЯ]. В диалектных словарях данное словосочетание не

отмечено. Однако, несмотря на общеякутский характер, носители современного якутского языка употребляют данное название снега нечасто, поскольку, как мы полагаем, *тулдук хаара*, скорее, носит поэтический оттенок и часто используется в литературно-художественных текстах. Тем не менее *тулдук хаара*, как наиболее яркий метафорический образ, часто встречается в произведениях для детей, например, в детском журнале «Чуораанчык» («Колокольчик»): *Хаар сылааһыгар суулунан тулдук кэлэр, ол хаарын тулдук хаара дишлэр* [Корякина 2008: 14] ‘Пуночка прилетает «укутавшись» в теплый густой снег, такой снег называется *тулдук хаара*’. Однако позднее О. Н. Корякина-Умсуура пишет: *Бокуруоп кэннэ тулдуктар собуруу көтөллөр. Ол кэмгэ «тулдук хаара» түһэр* [Корякина 2021: 22] ‘После Покрова дня пуночки улетают на юг. В это время выпадает «тулдук хаара»’. Мотивирующий признак *тулдук хаара* обусловлен не только прилетом пуночек весной, но также и отлетом их осенью. В словаре Э. К. Пекарского выражение *тулдук хаара* не отмечено.

Таким образом, «пуночкин снег» ассоциируется с прилетом / отлетом пуночки, а белый пух пуночки – с мягким белым снегом.

Сочетания с компонентом *тураах* ‘ворона’

В основе мотивированности названия снега может лежать такой признак, как время выпадения снега, которое имеет существенное значение в организации быта якутов: *тураах хаара* ‘весенний снег, выпадающий большими хлопьями в период прилета вороны’ [БТСЯЯ]. В стихотворении П. Дмитриева-Туутук «Хаардар ааттара» («Названия снега») данный вид снега описывается следующим образом: *муус устарбыт бүтэһигэр тураах хаара диэн түһэр* [Дмитриев 2018: 137] ‘в конце апреля выпадает вороний снег’. В полевых данных обозначения данной разновидности снега встречаются крайне редко, однако в общеякутском языковом поле присутствует характерное описание: весной, примерно в середине апреля, когда прилетают первые вороны, выпадает крупный снег. Это явление часто упоминается в художественных произведениях: *Тураах кэлэр хаара... Кырдыаҕастар билэн эппиттэрэ буолуо, сааскы, баччаҕа түһэр бу курдук нуһаран хаары – тураах кэлэр хаара диэн* [Маисов 2012: 328] ‘Снег, выпадающий, когда прилетают первые вороны... Старики знали, что весной, в это время года бесшумно падающий снег – это вороний снег’. Сам автор произведения С. Маисов во время сбора языкового материала в Вилюйском улусе подтвердил факт употребления названия снега *тураах хаара*, поскольку структура снега влияет на процесс и результат охоты в таежной местности [ПМА].

Физическая структура данной разновидности снега подобна «заячьему снегу» (*куобах баһаҕа*) – пушистый, выпадающий большими хлопьями. Здесь подразумевается один из мотиваторов наименования *тураах хаара* – время года, когда прилет первых ворон считается долгожданным и радостным моментом, символизирует окончание зимних морозов и приближение теплого времени года.

Заключение

Основным способом образования составных названий снега является сочетание слов, в составе которого второе имя оформляется аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч.

В якутских наименованиях снега прежде всего подчеркиваются физические свойства падающего (выпавшего) снега, в основном его рыхлость, пушистость, легкость, крупный размер, например, *куобах баһаҕа* ‘заячья голова’ (о крупных хлопьях снега). Выражение *муруку дыбдыата / муруку дыгдыата* ‘наст бурундука’ (о настe снега, который может выдержать бурундука) обозначает твердую корку снега, образующуюся весной, когда световой день удлиняется и верхний слой снега начинает оттаивать от солнечных лучей. В основе номинации лежит представление о том, что подобный наст может выдержать только легкий вес такого небольшого зверька, как бурундук. Соответственно, в названии снега отражается и уклад жизни якутов: охотнику на лыжах трудно ходить по такому тонкому насту во время преследования лося. Названия *тулдук хаара* ‘пуночкин снег’ (снег, который падает во время прилета пуночек), *тураах хаара* ‘вороний снег’ (снег, который падает во время прилета ворон) можно отнести к общеякутским словам с диалектным значением, так как литературно-художественный текст, с одной стороны, стимулирует нормативность употребления, с другой стороны, фиксирует и сохраняет диалектные особенности употребления тех или иных слов и словосочетаний.

В рассмотренных названиях снега используется семантический тип мотивированности, поскольку признаки проявляются в семантике производящих основ. Степень мотивированности является относительной, так как они носят метафорический характер, т. е. обозначают свойства снега опосредованно. Зооморфная лексика отчасти является оценочной, т. к. метафорическое обозначение основывается на переносе – сравнении с известными признаками животного. В рассмотренных обозначениях пушистого, легкого, рыхлого снега отображаются внешние характерные признаки животных и птиц, обитающих на территории Якутии.

Основные принципы номинаций снега характеризуют: признаковость – сравнение с внешними признаками животного (белый цвет, белый мех / пух); функциональность – по связи с народными приметами (прилет / отлет птиц) и с традиционным промыслом (охота – преследование зверя).

Рассмотренные названия снега охватывают все четыре диалектные зоны якутского языка – центральную, олекмо-вилуйскую, северо-восточную, северо-западную, т. е. объединяющим фактором является особенность окружающей среды (длительная зима, снежный покров и т. п.), которая означает и в языке. Тем самым комплекс диалектных названий снега обусловлен наблюдением на протяжении длительного времени реалий окружающего мира, явлений природы, в соответствии с которым обустраиваются быт и традиционные занятия (промыслы) якутов на территории Якутии.

Список литературы

- Алексеев Н. А.* Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 492 с.
- Афанасьев Л. А.* Фоносемантика образных слов якутского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1993. 138 с.
- Дьячковский Ф. Н., Попов В. Г.* Разновидности *хаар* 'снег' в якутском языке // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Материалы XXV международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 ноября 2015 года. Т. II. М.: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2015. С. 46–53.
- Иванов С. А.* Названия атмосферных явлений в якутском языке и его говорах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3 (16). С. 74–84.
- Кузьмина А. А.* Концепт «Снег» в языковой и фольклорной картине мира коренных народов Якутии // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 2. С. 295–322.
- Левитская Л. С.* Метеорология // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. С. 13–49.
- Макаров Д. С.* Народная мудрость: знания и представления. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1983. 118 с.
- Мусаев К. М.* Представления тюрков о климате // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Вост. лит., 2008. С. 42–67.
- Норманская Ю. В.* Этимологии названий снега в сибирских (уральских и тюркских) языках // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 27–29 сентября 2007 года. Новосибирск, 2007. С. 170–175.

Список источников

- БТСЯЯ* – Большой толковый словарь якутского языка [электронный ресурс]. URL: <https://igi.yasn.ru/btsja/> (дата обращения: 13.11.2023).
- Дмитриев П. Н.* Сайылыгым барахсан: хохооннор, тылбаастар, ырыалар = Родной сайылык: стихотворения, переводы, песни / киири тыл авт. Сэмэн Тумат. Дьокуускай: Көмүөл, 2018. 283 с.
- ДСЯС* – Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.
- ДСЯЯ* – Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

- Корякина О.-Умсуура. Дьыл уонна сьыл // Далбар хотун. 2021. № 1 (148). С. 21–23.
Корякина О.-Умсуура. Сааскы ыйдар // Чуораанчык. 2008. № 7. С. 14–15.
Маисов С. С. Ийэм кэпсиир...: роман. Ч. 3. Дьокуускай: Бичик, 2012. 383 с.
Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук: около 30000 слов / отв. ред В. А. Роббек. Новосибирск: Наука, 2004. 796 с.
ПМА – Полевые материалы автора.

Список сокращений

аб. – абыйский говор; **бод.** – бодайбинский говор; **в.-кол.** – верхнеколымский говор; **вил.** – виллойский говор; **горн.** – горный говор; **жиг.** – жиганский говор; **инд.** – индигирский говор; **лен.** – ленский говор; **м.-канг.** – мегино-кангаласский говор; **сад.** – садынский говор; **сакк.** – саккырырский подговор верхоянского говора; **ср.-кол.** – среднеколымский говор; **сунт.** – сунтарский говор.

References

- Alekseev N. A. *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 492 p.
- Afanas'ev L. A. *Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo yazyka* [Phonosemantics of figurative words of the Yakut language]. Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 1993, 138 p. (In Russ.)
- D'yachkovskiy F. N., Popov V. G. Raznovidnosti khaar “sneg” v yakutskom yazyke [Varieties of haar “snow” in the Yakut language]. In: *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: materialy XXV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 26–27 noyabrya 2015 goda* [Contemporary Problems of the Humanities and Natural Sciences: Proceedings of the XXV International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 26–27, 2015]. “Institut strategicheskikh issledovaniy.” Moscow, Nauchno-informatsionnyy izdatel'skiy tsentr “Institut strategicheskikh issledovaniy”, 2015, vol. II, pp. 46–53. (In Russ.)
- Ivanov S. A. Nazvaniya atmosferynykh yavleniy v yakutskom yazyke i ego govorakh [Names of atmospheric phenomena in the Yakut language and its dialects]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2016, no. 3 (16), pp. 74–84. (In Russ.)
- Kuz'mina A. A. Kontsept “Sneg” v yazykovoy i fol'klornoy kartine mira korennykh narodov Yakutii [The concept of “Snow” in the linguistic and folklore picture of the world of the indigenous peoples of Yakutia]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2022, vol. 14, no 2, pp. 295–322. (In Russ.)
- Levitskaya L. S. Meteorologiya [Meteorology]. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. 2nd ed., suppl. Moscow, Nauka, 2001, pp. 13–49 (In Russ.)
- Makarov D. S. *Narodnaya mudrost': znaniya i predstavleniya* [Folk wisdom: knowledge and ideas]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1983, 118 p. (In Russ.)
- Musaev K. M. *Predstavleniya tyurok o klimate* [Turkic ideas about climate]. Prirodnoe okruzhenie i material'naya kul'tura pratyurkskikh narodov [Natural environment and material culture of the Proto-Turkic peoples]. A. B. Dybo (Ed in Ch.), Moscow, Vost. lit., 2008, pp. 42–67. (In Russ.)
- Normanskaya Yu. V. Etimologii nazvaniy snega v sibirskikh (ural'skikh i tyurkskikh) yazykakh [Etymology of snow names in Siberian (Uralic and Turkic) languages]. In: *Podvizhniki sibirskoy filologii: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev: Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Novosibirsk, 27–29 sentyabrya 2007 goda* [Devotees of Siberian Philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev: Abstracts of the reports of the All-Russian scientific conference, Novosibirsk, September 27–29, 2007]. Novosibirsk, 2007, pp. 170–175. (In Russ.)

List of sources

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Yakut language]. (accessed 25.08.2023). URL: <https://igi.ysn.ru/btsja/> (accessed 11.09.2024). (In Yakut)

Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka: soderzhit svyshe 8500 slov [Dialectological dictionary of the Yakut language: contains over 8500 words]. P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev (Comps). Moscow, Nauka, 1976, 392 p. (In Yakut, In Russ.)

Dialektologicheskij slovar' yazyka sakha [Dialectological dictionary of the Sakha language: supplementary volume]. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasil'ev (Comps). Novosibirsk, Nauka, 1995, 296 p. (In Yakut, In Russ.)

Dmitriev P. N. *Sayylygym barakhsan: khohoonnor, tylbaastar, yryalar* [Native sayylyk: poems, translations, songs]. Yakutsk, Komyol, 2018, 283 p. (In Yakut)

Koryakina O.-Umsuura. D'yl uonna syl [Year and season]. *Dalbar khotun*. 2021, no. 1 (148), pp. 21–23. (In Yakut)

Koryakina O.-Umsuura. Saasky yydar [Spring months]. *Chuoraanchyk*. 2008, no. 7, pp. 14–15. (In Yakut)

Maisov S. S. *Iyem kepsiir...: roman* [According to my mother's stories...: novel]. Yakutsk, Bichik, 2012, Pt. 3. D'okuuskay. 383 p. (In Yakut)

Myreeva A. N. *Evenkiysko-russkiy slovar': okolo 30000 slov* [Evenki-Russian dictionary: about 30,000 words]. V. A. Robbek (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 2004, 796 p. (In Evenk., In Russ.)

Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. (In Yakut)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.10.2024*

Сведения об авторе Information about the Author

Егор Револьевич Николаев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Egor R. Nikolaev – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the RAS (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: 1953307@mail.ru
ORCID 0000-0003-3782-8402